



УДК 316.75: 140.8

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-4-711-718

Интеллигенция, идеология и утопия в эпистемологическом проекте К. Мангейма

Трунов А.А.

Белгородский университет кооперации, экономики и права
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а
E-mail: trunovv2013@yandex.ru

Аннотация. С опорой на принципы герменевтики реконструирована роль интеллигенции, идеологии и утопии в исследовательском проекте К. Мангейма, который был направлен на то, чтобы разработать теоретические основы безоценочной и эпистемологически нейтральной социологии, очищенной от любых «примесей» идеологии или утопии. К. Мангейм также стремился оказать влияние на процессы формирования «свободно парящей интеллигенции» как реального социального макросубъекта, способного предложить стремительно меняющемуся обществу привлекательный образ будущего и управлять сложнейшими процессами его развития.

Ключевые слова: герменевтика, учреждающая дискурсивность, дискурс господства, производство и трансляция смыслов, эпистемологический проект, социальные технологии.

Для цитирования: Трунов А.А. 2020. Интеллигенция, идеология и утопия в эпистемологическом проекте К. Мангейма. НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. 45 (4): 711–718. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-4-711-718

Intelligentsia, ideology and utopia in the epistemological project of K. Manheim

Anatoly A. Trunov

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
116a, Sadovaya St, Belgorod, Russia
E-mail: trunovv2013@yandex.ru

Abstract. Based on the principles of hermeneutics the article reconstructs the role of intellectuals, ideology and utopia in the epistemological project of K. Manheim. This project was aimed at overcoming the extremes of Marxist and other classical approaches to knowledge and practice, to develop the theoretical foundations of epistemologically neutral sociology, purged of any "impurities" of ideology or utopia. K. Manheim considered ideology as a kind of collective consciousness of the dominant social groups. Utopias, according to him, express ideas about the desired society of deprived categories of the population. Also K. Manheim sought to exert as much influence as possible on the formation of the "free-floating intelligentsia", not as a philosophical or sociological abstraction, but as a real social macro-subject that can offer a transforming society an attractive image of the future and manage the most complex processes of its development on the basis of advanced social technologies.

Keywords: hermeneutics, establishing discursivity, discourse of domination, production and translation of meanings, epistemological project, social technologies.

For citation: Trunov A.A. 2020. Intelligentsia, ideology and utopia in the epistemological project of K. Manheim. NOMOTNETKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (4): 711–718 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-4-711-718



Введение

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью философско-герменевтической реконструкции эпистемологического проекта К. Манхейма, в котором предлагалось теоретическое обоснование роли интеллигенции в процессе формирования социального знания и политической социологии, «очищенных» от любых вкраплений идеологии или утопии. Знаменитая монография К. Манхейма [1994] послужила отправной точкой для последующих дискуссий и стала основой формирования многих современных моделей социального конструирования реальности [Гальцева, Роднянская, 2012]. Она же зафиксировала целый комплекс теоретических и методологических проблем, которые можно обозначить как «парадокс К. Манхейма» [Гирц, 2004, с. 226]. Его смысл заключается в том, что стремление избавить науку от идеологии и утопии как разновидностей иллюзорного или ложного сознания вовсе не гарантирует благого конечного результата, поскольку идеологические или утопические образы, метафоры, нарративы и концепты имплицитно присутствуют в текстах, научная добросовестность и объективность которых не вызывают сомнений.

На наш взгляд, ошибки и заблуждения К. Манхейма не менее ценны, чем его теоретические открытия и методологические прорывы, поскольку позволяют не только глубоко и всесторонне осмыслить «коварство идеологии» как системы регулятивных или проектных идей об устройстве должной модели общества (или обнаружить «остаточное влияние» утопии как его заведомо нереалистичной концепции), но и понять, какие идеалы научной рациональности вдохновляли одного из ведущих европейских интеллектуалов первой половины XX в., мечтавшего о создании полноценной науки о человеке и социуме, оказавшихся в ситуации перманентных преобразований. Согласно К. Манхейму, такая наука могла бы способствовать разработке эффективных социальных технологий, направленных на развитие демократии, свободы и гуманизма [Манхейм, 1994, с. 414–416]. Много у К. Манхейма действительно получилось, хотя его главный текст [1994] не свободен от целого ряда изъянов, которые мы намерены проанализировать в ходе дальнейшего изложения материала.

Цель данной статьи заключается в философско-герменевтической реконструкции эпистемологического проекта К. Манхейма, в основе которого лежит предложенное им оригинальное определение интеллигенции как главного коллективного субъекта, исторической миссией которого является производство и публичная трансляция смыслов в обществе модерна. Не менее интересна предпринятая К. Манхеймом попытка категоризации феноменов идеологии и утопии как двух конфликтующих типов мышления, отражающих интересы господствующих и депривированных классов. Здесь К. Манхейм не только отталкивается от плодотворных идей Ф. Бэкона [1972], А.-Л.-К. Дестюта де Траси [Дестют де Траси, 2013], К. Маркса и Ф. Энгельса [Маркс, Энгельс, 1955], но и пытается их использовать в содержательном и методологическом аспектах. По сути, К. Манхейм предлагает научному сообществу оригинальный эпистемологический проект, позволяющий в перспективе создать науку нового типа, избавленную как от когнитивных искажений и любых форм социальной «обусловленности», так и направленную на рациональное преобразование практики с позиций социальной инженерии либерального толка.

Достоинством великих книг, помимо их содержания и глубины, является то, что В.П. Римский называет *учреждающей дискурсивностью* [Учреждающая дискурсивность..., 2017, с. 8]. Дело в том, что такие книги не только наиболее внятно артикулируют центральные проблемы того времени, когда они были написаны, но и порождают необходимость их переосмысления в другие исторические эпохи. Только так мы можем установить, был ли тот или иной мыслитель добросовестным ретранслятором методов и категориального аппарата науки своего времени или же он являлся тем демиургом нового смыслового поля, который инициировал последующие стратегии и практики научных исследований.

Представляется, что данный методологический подход позволяет по-новому взглянуть на наиболее значимые результаты интеллектуального творчества К. Манхейма [Манхейм, 1994, 2000, 2010; Mannheim, 1966]. При этом мы принципиально не будем повторять то, что уже писали о подходе К. Манхейма в наших предыдущих статьях [Трунов, 2019а, 2019б].

Проблема интеллигенции в концепции К. Манхейма

Интеллектуальная биография К. Манхейма оказалась тесно вплетена в основные социальные, политические и культурные трансформации, которые пережила Европа в первой половине XX в. [Мыслящая Россия, 2009; Shils, 1997]. Получив блестящее образование, К. Манхейм имел все возможности для того, чтобы успешно заниматься государственной деятельностью или публичной политикой, однако он выбрал путь академической карьеры, связанный с обоснованием новой парадигмы научного знания, которое могло бы стать инструментом культурного воздействия на социальные процессы в ситуации, когда классические идеологии оказались дискредитированы, а утопии уничтожены.

К. Манхейм был лично знаком со многими наиболее влиятельными интеллектуалами своей эпохи, включая Г. Зиммеля, М. и А. Веберов или Д. Лукача, с которым поддерживал дружеские отношения. При этом в науке К. Манхейм шёл своим путём и не стремился интегрироваться в существовавшие в то время влиятельные интеллектуальные или политические сообщества, которые можно рассматривать как подобие герметических структур масонского или орденского типа.

Позиция одинокого интеллектуала, который намеренно дистанцировался от любых форм интеграции в академический или бюрократический истеблишмент, заслуживает особого внимания. Возможно, именно этот экзистенциальный контекст и сугубо личные причины натолкнули К. Манхейма на мысль о фундаментальной для его концепции идее «свободно парящей интеллигенции», которая была творческим развитием идеи свободно парящих «духовных слоёв», ранее предложенной А. Вебером [1998, с. 232].

Обосновывая необходимость принципиально нового типа социального знания, К. Манхейм подчёркивает уникальность и новизну переживаемого европейцами исторического момента, обусловленного перспективой полной потери связи общества с какими-либо формами трансцендентного. «Для того чтобы существовать в полном соответствии с действительностью такого рода, где совершенно отсутствует какая бы то ни было трансцендентность, будь то в форме утопии или идеологии, требуется, вероятно, едва ли доступная нашему поколению жёсткость или предельная, ни о чём не подозревающая, наивность недавно вступившего в мир поколения» [Манхейм, 1994, с. 214]. Отсюда – его интенция на необходимость своеобразной «расчистки» интеллектуальных завалов, которая должна сопровождаться оформлением как новых типов мышления, так и практики производства и публичной трансляции смыслов. Однако эту историческую миссию может реализовать только новый макросоциальный субъект, свободный от социальной и иной ангажированности и в то же время обладающий навыками критического мышления и самоорганизации.

Если следовать К. Манхейму, то «свободно парящая интеллигенция» не есть нечто исторически данное или существующее как социологически фиксируемая эмпирическая реальность. Скорее, это идеальный тип, то есть мыслительный конструкт, который соотносится с реальностью, но ни в коем случае не тождественен ей. К. Манхейм вовсе не настаивает на том, что этот воображаемый макросоциальный субъект способен к реализации столь сложной цели, однако другого коллективного субъекта, который может предложить растерянному обществу достойный образ будущего, мобилизационный проект и технологии его реализации, в обозримой перспективе не наблюдается.

Идейная борьба интеллектуалов в публичном пространстве, когда происходит дифференциация на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов», согласно К. Манхейму, полностью развеивает иллюзию о том, «будто существует только один тип мышления» [Ман-



хейм, 1994, с. 16]. Безусловно, типов мышления много, включая и те, в которых преобладают образные компоненты. В процессе публичного обсуждения конкретных проблем интеллигенты обычно занимают конфронтационные позиции, но они же вносят в дискуссию полемическую страсть и специфические мировоззренческие установки, которые обусловлены уровнем их социальной ответственности и состоянием когнитивной вменяемости. Благодаря полученному образованию, мышление интеллигентов диалектично, что выгодно отличает его от ригидного мышления обывателей, не способных понять и принять альтернативные точки зрения. Интеллигенты не только способны рассматривать существующие проблемы с различных позиций, но и вести диалог, в ходе которого происходит выработка теоретических положений, претендующих на статус конвенциональных определений истины.

Конечно, реальная интеллигенция не лишена определённых недостатков. К. Манхейм справедливо указывает на присущие ей нарциссизм, поверхностность и фрагментарность знаний, зависимость от чужих мнений, инфантилизм, склонность к фантазиям. Нередко возникает ситуация, когда идеи «становятся самоцелью и источником опьянения» [Манхейм, 2000, с. 149], то есть своеобразным «опиумом интеллектуалов», о котором более подробно позднее напишет Р. Арон [2015]. К. Манхейм даже фиксирует своеобразную «манию грандиозности», которая свойственна многим людям, которые задействованы в сфере духовного производства и претендуют на роль «властителей дум». Дело в том, что «свободное и беспрепятственное мышление временами порождает иллюзию величия, ибо одна лишь способность обмениваться идеями относительно наиболее острых проблем создаёт соблазнительную видимость овладения ими» [Манхейм, 2000, с. 149]. Ещё одной проблемой «книжных людей» является их трагический отрыв от реальности, который приводит к серьёзным ошибкам, когда они начинают заниматься практической деятельностью. В целом же нарциссизм интеллигенции нередко маркирует её латентное влечение к смерти, перфекционизм почти всегда оборачивается прокрастинацией, а моральный оппортунизм – поисками Господина, с которым выстраиваются отношения в диапазоне от ненависти до любви и обратно.

Абстрагируясь от этих и подобных комплексов психоисторического характера, К. Манхейм констатирует, что основной миссией интеллигенции является производство и публичная трансляция смыслов, которая способствует формированию научной картины мира. Согласно К. Манхейму, в ситуации тотального кризиса гуманистической культуры первой половины XX в. только интеллигенция может оформиться в исторически состоятельный макросубъект, способный поставить адекватный диагноз «вывихнутому» времени, определить верные ориентиры и направления мобилизации социальной энергии, возглавить историческое движение общества на пути к реализации ценностей свободы и прогресса.

Идеологии и утопии в обществе модерна

В момент публикации главного труда К. Манхейма [1994] и последующие годы многое оставалось неясным. Произошла смысловая мутация классических идеологий и утопий. Параллельно с этим возникли новые формы социальной мифологии, которые настойчиво взывали к «душе толпы» [Бобрицкая, 2018]. Реальностью стал тоталитаризм, особенно в своих предельных антигуманистических фашистских и нацистских версиях [Манн, 2019]. Всё это можно рассматривать как симптомы очевидного кризиса самого проекта модерна, который выглядел досадной аномалией на фоне доминировавших в то время в сознании большинства европейских интеллектуалов установок на прогрессистское видение Истории.

Критически развивая интеллектуальную традицию, заложенную К. Марксом и Ф. Энгельсом [1955], К. Манхейм настаивал на том, что все виды мыслительно-объективной деятельности должны рассматриваться с позиции выявления их «социальных

корней» [Манхейм, 1994, с. 8]. При этом К. Манхейм различал две основные антагонистические программы мобилизации социальной энергии в обществе модерна. В первом случае им говорилось об идеологии как о специфическом мышлении господствующих групп. Во втором – об утопии как способе альтернативного конструирования идеального общества, который присущ тем индивидам и социальным группам, которые оказались в ситуации депривации.

С точки зрения К. Манхейма, идеология – это разновидность коллективного сознания-для-себя, когда правящие элитные группы реализуют свои социальные интересы и мало заботятся о том, каковы настоящие интересы управляемого ими общества. Пропаганда, PR, контроль над сферой образования и духовного производства, а также другие формы культурной гегемонии обеспечивают господство правящей идеологии, которая в обществе модерна носит диффузный характер. Её радикальная критика практически ничего не даёт, поскольку лишь укрепляет позиции правящего класса, который в случае необходимости осуществляет корректировку политического курса или идёт на вынужденные тактические уступки, сохраняя верность избранной стратегии.

В кризисные моменты мировой и европейской истории наблюдается своеобразная когнитивная неадекватность правящих социальных групп, которые «просто не в состоянии увидеть ряд фактов, которые могли бы подорвать их уверенность в своём господстве» [Манхейм, 1994, с. 40]. Оторвавшись от реальности и погрузившись в мир Игры, эти элитные группы могут потерять власть, но для этого необходимо, чтобы сформировалась более адекватная контрэлита, способная эффективно влиять на интеллигенцию и осуществлять мобилизацию масс. На короткий промежуток времени коллективное сознание-для-себя превращается в коллективное сознание-для-других, то есть возникает альтернативная идеология. Логика рассуждений К. Манхейма предполагает возможность такого подхода, хотя сам автор настаивает на том, что конструирование идеологий является своеобразной прерогативой элитных групп, создающих и транслирующих дискурсы господства.

Во втором случае К. Манхейм говорит об утопическом мышлении, которое в корне противоположно идеологии именно тем, что выражает интересы социально угнетённых групп, которые «заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества» [Манхейм, 1994, с. 40]. Утопия угнетённых групп бросает вызов политическому господству правящих групп хотя бы тем, что утверждает возможность *иного*, более справедливого общества, с чем угнетатели, разумеется, категорически не согласны. В качестве примера можно привести острейший конфликт между Реформацией и хилиазмом, который знаменовал собой принципиально различные пути развития Европы в XVI – первой половине XVII вв.

Если в XVIII и XIX вв. утопии носили преимущественно кабинетный характер и довольно редко претворялись в реальную жизнь, то в XX в. они обрели новый статус, стали реализовываться в масштабах целых государств, претендующих на создание альтернативных цивилизаций в рамках единого геоисторического проекта модерна. Поэтому К. Манхейм был не совсем прав, когда заявлял о том, что утопии исчерпали свой мобилизационный потенциал. Полемические тексты интеллигентов, соединившись с хилиастическими чаяниями депривированных масс, обернулись целым рядом попыток построения «рая на земле», что заслуживает самого серьёзного внимания. Не менее интересным стал своеобразный расцвет антиутопий. И не только как жанра литературных фантазий, описывающих ужасы тоталитарного ада, но и как реальных попыток реализации гностических учений, основанных на антигуманистических принципах фундаментального антропологического неравенства. Позднее К. Манхейм осознал свою ошибку и многое сделал для её исправления [Mannheim, 1966].

Выделенные К. Манхеймом базовые типы социального проектирования, характерные для всей эпохи модерна, действительно не способны к адекватной рефлексии своих теоретических основ, не говоря уже о более глубоком типе рефлексии их донаучных осно-



ваний. Творцы идеологий и утопий зачастую становятся заложниками созданных ими образов, метафор, нарративов и концептов, совершая умышленную или неосознанную подмену, выдавая должное за сущее и подчиняя своё мышление логике абстракций. Следует иметь в виду не только естественные когнитивные искажения, обусловленные дефицитом понимания происходящего, который существует почти всегда, но и то, что любая идеология или утопия могут иметь диффузный характер и воздействовать на людей по принципу проникающей радиации.

К. Манхейм и ловушка позитивизма

Оформляя свой эпистемологический проект, характеризуя сущность интеллигенции, определяя значение идеологии и утопии в обществе модерна, К. Манхейм стремился к получению рационального знания, «очищенного» от когнитивных искажений и любых форм социальной «обусловленности». При этом он полагал, что со временем разработанное им учение об интеллигенции, идеологии и утопии обязательно превратится в полноценную научную дисциплину, которую можно рассматривать не только как социологию знания, но и как политическую социологию, если иметь в виду её потенциальные практические возможности, связанные с социальной инженерией либерального толка.

Однако здесь К. Манхейм оказался в позиции «привилегированного ускользания» или в «ловушке позитивизма». Её суть очень точно выразил А. Макинтайр. По его словам, если какой-то учёный заявляет о своей способности отделить «зараженные элементы от всех остальных элементов теоретизирования», то тем самым «он притязает на обладание методом получения аутентичного знания» [Макинтайр, 2012, с. 135]. Безусловно, такая заявка у К. Манхейма действительно была, однако и он не смог избежать справедливых упреков в идеологической пристрастности. Именно этот позитивистский подход, только в очень примитивной и вульгарной форме, в наши дни используют «хозяева» глобального неолиберального дискурса, а также их российские поделщики, действующие по принципу: кто не с ними, тот против них. Фанатики неолиберального дискурса демонстрируют тоталитарную непримиримость к любым альтернативным точкам зрения, подменяя свободную научную дискуссию диктатом абстракций и догм, но при этом полностью отрицают свою идеологическую ангажированность.

В том-то и дело, что все мы в той или иной мере являемся «жертвами» подобных идеологических или утопических искажений. Позицию привилегированного ускользания может занимать лишь до крайности наивный или самонадеянный человек, путающий идеалы позитивизма с реальным положением дел. Представляется, что «во всех сколько-нибудь влиятельных направлениях современной политической теории обнаруживается тот или иной идеологический или утопический след» [Мусихин, 2013, с. 259]. Поэтому мы должны честно зафиксировать этот «след» в своём анализе и сделать поправку на то, что учёный – это не робот, а живой человек, который может добросовестно заблуждаться и вовсе не является носителем истины в последней инстанции. Люди также могут менять свои политические убеждения под влияние соответствующих логических аргументов, но в них всё равно будут присутствовать те или иные остаточные элементы идеологии или утопии.

Заключение

Проект К. Манхейма был направлен на то, чтобы преодолеть очевидные крайности марксистского и других классических подходов и разработать теоретические основы безоценочной и эпистемологически нейтральной социологии, очищенной от любых «примесей» идеологии или утопии. При этом реальные отношения между идеологией и утопией выглядят гораздо сложнее, нежели их описывал К. Манхейм. Утопии нередко используются в качестве «строительного материала» идеологий, а присущая идеологиям «логика абстракций» зачастую выхолащивает содержание утопий, адаптируя их к конъюнктуре текущего момента.

Безусловно, К. Манхейм стремился оказать сильное влияние на процессы формирования «свободно парящей интеллигенции», но не как философской или социологической категории, а как реального социального макросубъекта, способного не только предложить трансформирующемуся обществу привлекательный образ будущего, но и управлять сложнейшими процессами его развития на основе передовых социальных технологий. Наиболее известным текстам К. Манхейма присуща та учреждающая дискурсивность, которая делает их востребованными и в более поздние времена.

3. По существу, современная социальная и гуманитарная мысль испытывает ещё большие теоретические и методологические трудности, чем во времена К. Манхейма. Наука перестала быть институтом легитимации социальных изменений. То, что в первой половине XX в. существовало лишь как потенциально возможное (кризис рациональности и гуманизма, противоречия между технологическим и социальным развитием, свободой и прогрессом, индивидом и обществом), в начале XXI в. можно рассматривать как реально состоявшийся «процесс полной деструкции всех духовных элементов как в утопии, так и в идеологии» [Манхейм, 1994, с. 214]. Интеллигенты превратились в интеллектуалов, то есть наёмных работников умственного труда, ангажированных бюрократией или капиталом. Многие люди живут в ситуации недостатка смыслов и избытка симулякров. Вынырнул из исторического небытия призрак тоталитаризма.

Список источников

1. Бэкон Ф. 1972. Сочинения: В 2-х т. Пер. с англ. М., Мысль. Т. 2: 582 с.
2. Манхейм К. 1994. Диагноз нашего времени. М., Юрист, 700 с.
3. Манхейм К. 2010. Избранное: Диагноз нашего времени. М., Говорящая книга. 744 с.
4. Манхейм К. 2000. Избранное: Социология культуры. М., СПб., Университетская книга, 501 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Соч. 2-е изд. М., Госполитиздат. Т. 3: XIV, 616 с.

Список литературы

1. Арон Р. 2015. Опиум интеллектуалов. Пер. с фр. Л. Боровиковой. М., Изд-во АСТ, 480 с.
2. Бобрицкая Е. 2018. Душа толпы. Искусство и социальная мифология. М., Кучково поле: 280 с.
3. Вебер А. 1998. Избранное: Кризис европейской культуры. Пер. с нем. М.И. Левина, Т.Е. Егорова. СПб., Университетская книга, 565 с.
4. Гальцева Р., Роднянская И. 2012. *Summa ideologiae*: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий. М., Посев, 128 с.
5. Гирц К. 2004. Интерпретация культур. Пер. с англ. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 560 с.
6. Дестют де Траси А.-Л.-К. 2013. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. Пер. с фр. М., Академический Проект, 334 с.
7. Макинтайр А. 2013. Идеология, социальная наука и революция. Пер. с англ. Логос. 2 (86): 134–159.
8. Манн М. 2019. Фашисты. Социология фашистских движений. Пер. с англ. М., Пятый Рим, 592 с.
9. Мусихин Г.И. 2013. Очерки теории идеологий. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 288 с.
10. Мыслящая Россия. 2009. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. Под. ред. В.А. Куренного. М., Наследие Евразии, 368 с.
11. Трунов А.А. 2019 а. Идеология в обществах модерна и постмодерна: сравнительный анализ. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (2): 234–243.



12. Трунов А.А. 2019 б. Идеология и интеллектуалы в эпоху медиакратии. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (4): 729–737.
13. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала. 2017. Под. ред. В.П. Римского. М., Канон+ РООИ «Реабилитация», 456 с.
14. Mannheim K. 1966. Man and Society In an Age of reconstructions: Studies in modern social structure. London, Routledge & Kegan Paul Ltd, 486 p.
15. Shils E. 1997. Portraits. A Gallery of Intellectuals. Chicago: University of Chicago Press, 262 p.

References

1. Aron R. 2015. Opium intelektualov [The opium of the intellectuals]. Translated from the French by L. Borovikova. M., Publ. AST, 480 p.
2. Bobrickaya E. 2018. Dusha tolyu. Iskusstvo i social'naya mifologiya [The soul of the crowd. Art and social mythology]. M., Publ. Kuchkovo pole, 280 p.
4. Veber A. 1998. Izbrannoe: Krizis evropejskoj kul'tury [Der dritte oder der vierte Mensch]. Translated from the German by M. I. Levin, T. E. Yegorov. SPb., Publ. Universitetskaya kniga, 565 p.
5. Gal'ceva R., Rodnyanskaya I. 2012. Summa ideologiae: Torzhestvo «lozhnogo soznaniya» v novejschie vremena. Kritiko-analiticheskoe obozrenie zapadnoj mysli v svete mirovyh sobytij [Summa ideologiae: The Triumph of "false consciousness" in Modern Times. Critical-analytical Review of Western thought in the light of World events]. M., Publ. Posev, 128 p.
6. Girts K. 2004. Interpretaciya kul'tur [The interpretation of cultures]. Translated from English. M., Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 560 p.
7. Destyut de Trasi A.-L.-K. 2013. Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova [The basis of the ideology. Ideology in the proper sense of the word]. Translated from the French. M., Publ. Akademicheskij Proekt, 334 p.
8. McIntyre, A. 2013. Ideology, social science and revolution [Ideologiya, social'naya nauka i revolyuciya]. Translated from English. Publ. Logos. 2 (86): 134–159.
12. Mann M. 2019. Fashisty. Sociologiya fashistskih dvizhenij [Fascists. Sociology of fascist movements]. Translated from English. M., Publ. Pyatyj Rim, 592 p.
14. Musihin G.I. 2013. Ocherki teorii ideologij [Essays on the theory of ideologies]. M., Publ. Vysshej shkoly ekonomiki, 288 p.
15. Myslyashchaya Rossiya. 2009. Istoriya i teoriya intelligencii i intelektualov [Thinking Russia. History and theory of intellectuals and intellectuals]. Pod. red. V.A. Kurennoho. M., Publ. Nasledie Evrazii, 368 p.
16. Trunov A.A. 2019 a. Ideology in the societies of modernity and postmodernity: a comparative analysis. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries. 44 (2): 234–243.
17. Trunov A.A. 2019 b. Ideology and intellectuals in the epoch of mediocracy. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (4): 729–737.
18. Mikhail Petrov's founding discursiveness: an intellectual in the interior of cultural capital. 2017. Ed. V.P. Rimskiy. M., Publ. Canon + ROIR "Rehabilitation", 456 p.
19. Mannheim K. 1966. Man and Society In an Age of reconstructions: Studies in modern social structure. London, Publ. Routledge & Kegan Paul Ltd, 486 p.
20. Shils E. 1997. Portraits. A Gallery of Intellectuals. Chicago: Publ. University of Chicago Press, 262 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трунов Анатолий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент Белгородского университета кооперации, экономики и права, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly A. Trunov, PhD, Associate Professor, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia.